

Честерфильд Филипп Дормер

**Хороший тон или житейская
мудрость и знание света**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ф53

Ф53 **Филипп Дормер Ч.**
Хороший тон или житейская мудрость и знание света / Честерфильд Филипп
Дормер – М.: Книга по Требованию, 2024. – 224 с.

ISBN 978-5-521-30176-8

ISBN 978-5-521-30176-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

приступимъ къ характеристикѣ внутренняго значенія этого произведенія.

Авторъ этихъ писемъ принадлежитъ къ одному изъ знатнѣйшихъ родовъ Англіи. Филиппъ Дормеръ Стенгопъ, четвертый графъ Честерфильдъ, родился въ Лондонѣ 22 сентября 1694 года. Въ домѣ своихъ родителей получилъ онъ начало своему необычному образованію. Шестнадцати лѣтъ отъ роду онъ поступилъ въ Кембриджскій университетъ, гдѣ занимался преимущественно изученіемъ классиковъ. Но духъ, господствовавшій тогда въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Англіи, не могъ удовлетворить его. Ученый педантизмъ ему не нравился, его неудержимо влекло въ среду свѣтской жизни.

Въ 1714 году онъ выѣхалъ изъ Англіи для того, чтобы объѣхать всю Европу. Онъ обладалъ замѣчательной способностью соединять полезное съ пріятнымъ. Проѣзжая различныя страны, онъ въ одинаковой степени изучалъ ихъ и наслаждался самъ. Онъ былъ въ одно и то-же время и наблюдателемъ, и жуиромъ. Онъ испивалъ чашу наслажденій до дна, такъ же точно какъ былъ одушевленъ желаніемъ усвоить себѣ и всевозможныя знанія.

Въ салонахъ парижскаго общества онъ развивается въ наисовершеннѣйшаго свѣтскаго человѣка, который знаніями своими импонируетъ мужчинамъ, а очаровательной любезностью привлекаетъ женщинъ. Онъ покоряетъ

всѣ сердца. Никто, хоть разъ его видѣвшій, не устоялъ передъ очарованіемъ его.

Богатый опытомъ, виртуозъ свѣтскаго образованія, онъ возвращается въ Англію по вызову генерала Стенгопа, чтобы поступить въ придворный штатъ принца Уэльскаго. Вскорѣ послѣ того его выбираетъ своимъ представителемъ въ парламентъ мѣстечко Сенъ-Жерменъ, хотя онъ и не достигъ еще установленнаго закономъ возраста. Какъ въ общественной жизни, такъ и въ этой сферѣ, онъ хотѣлъ привлечь къ себѣ людей и властвовать надъ ними. По смерти его отца, для него открылись двери высшаго парламента, гдѣ онъ имѣлъ многочисленные ораторскіе триумфы. Рѣчи его отличались силою мысли, необыкновенно изящнымъ слогомъ и легкимъ и привлекательнымъ способомъ изложенія.

Въ 1728 году Вальполь послалъ его, въ качествѣ посланника, въ Гагу, гдѣ онъ оставался до 1732 года. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ вице-королемъ Ирландіи. Его управленіе было образцовымъ; это были лучшіе дни, какіе только видѣла эта несчастная страна за все время владычества надъ нею Англіи. Въ октябрѣ 1746 года онъ назначенъ былъ государственнымъ секретаремъ. Это была его послѣдняя общественная должность. Продолжительный сосредоточенный трудъ подорвалъ его здоровье. Онъ вернулся къ частной жизни. Послѣдніе его годы до смерти сына были посвящены послѣднему,

друзьямъ и наукѣ. Онъ умеръ 24-го марта 1773 года, 79 лѣтъ отъ роду.

Немного людей, говорить одинъ изъ старѣйшихъ его біографовъ, которые прошли-бы столь блестящій путь. Онъ обладалъ рѣдкимъ счастьемъ достигать всего, къ чему стремился. Произойдя на свѣтъ со всѣми преимуществами рода и состоянія, онъ имѣлъ отъ природы красивую, благородную наружность, которая возвышалась еще изяществомъ и пріятностью манеръ, и другими вспомогательными средствами образованнаго человѣка. Другой писатель, Мати, говоритъ о немъ слѣдующее: «Ни одинъ изъ его современниковъ не могъ сравниться съ нимъ въ разнообразіи талантовъ, въ привлекательности ума и пріятности обращенія. Будучи одновременно свѣтскимъ и дѣловымъ человѣкомъ, онъ никогда не позволялъ удовольствіямъ наносить ущербъ дѣлу. Его парламентскія рѣчи закрѣпили за нимъ славу какъ оратора; краснорѣчіе его имѣло своеобразный, привлекательный характеръ. Въ своей общественной жизни онъ былъ честенъ, твердъ, добросовѣстенъ, въ частной-же—откровененъ и полонъ любви, и въ той и въ другой любезенъ, общителенъ и миролюбивъ».

Въ Соудзъ-Одли-стритѣ, въ западной части Лондона, и теперь еще стоитъ его замокъ, который своимъ простымъ, но замѣчательнымъ изяществомъ живо напоминаетъ о его строителѣ.

Но прекраснѣе и вѣковѣчнѣе есть памятникъ, который воздвигнулъ себѣ Честерфильдъ своими письмами. Они причисляются къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ всемірной литературы и къ оригинальнѣйшимъ произведеніямъ. За исключеніемъ «Исповѣди» Руссо, я едва-ли могъ бы указать другого писателя, который такъ открыто говорилъ бы, какъ Честерфильдъ. Но взгляды обоихъ существенно различны. Руссо—дитя новаго вѣка, революціонной эры, которая разорвала свои связи съ стариной и съ надеждой глядитъ въ будущее, гдѣ все иначе, все должно идти лучше. Онъ идеалистъ, котораго ослѣпляютъ лучи восходящаго свѣтила. Честерфильдъ же, напротивъ, есть представитель зрѣлаго, вполне законченнаго культурнаго духа, сдѣлавшагося разумнымъ и недовѣрчивымъ, какъ старецъ, который не борется уже болѣе противъ неизмѣннаго, а заключилъ союзъ съ властью, которая хотя ему и непріятна, но которой онъ добровольно покоряется, потому что созналъ, что она сильнѣе его. Честерфильдъ—реалистъ.

Этимъ доказываются два главныя качества его жизненной мудрости: она освѣщаетъ и беретъ людей такими, каковы они есть, и указываетъ путь, который ведетъ къ миру. Артуръ Шопенгауэръ есть Честерфильдъ, остановившійся на полупути. Философъ пессимизма, онъ также глубоко понималъ человѣческую природу, но не указалъ способа примиряться съ ея недостатками и отыскать *modus*

vivendi. Его идеаломъ было и осталось полное отчужденіе отъ общества. Но вѣдь настоящее культурное развитіе заключается именно въ общественныхъ сношеніяхъ; чѣмъ болѣе соприкасаются люди въ ихъ духовныхъ и матеріальныхъ интересахъ, тѣмъ быстрѣ идетъ культурное движеніе. Рѣдко можетъ человѣкъ, живущій совершенно одиноко, произвести что-либо великое, а замкнутые народы—мертвые народы.

Здоровые же индивидуумы и народы, напротивъ, заключаютъ сношенія. Но они знаютъ также, что жизнь есть борьба за существованіе и можетъ смягчиться лишь цивилизаціей. Обычай есть религія общества, по которой всѣ должны жить; она есть общественная власть, которая овладѣваетъ каждымъ, вступающимъ въ общественный кругъ. Чтò прежде понималось подъ именемъ религіи, не обладаетъ уже этимъ могуществомъ. Религіозное сознаніе есть, равно какъ и нравственность, совершенно индивидуальная вещь. Большинство придерживается мнѣнія Фридриха великаго, который, какъ извѣстно, дѣлалъ всякаго счастливымъ на свой ладъ.

Высшая цивилизація создаетъ всегда и болѣе утонченныя формы общежитія. Грубые нравы свойственны невѣжественнымъ народамъ и дурно воспитаннымъ индивидуумамъ. А потому, если хотять узнать, на какой ступени цивилизаціи стоитъ народъ, надо только изучить нравы его, обращеніе и образъ жизни. Грубые, неполу-

чившіе вполне хорошаго воспитанія люди никогда неспособны стать во главѣ. Они могутъ вызвать революцію со всѣми ея ужасами, но въ послѣдствіи сами уничтожаютъ другъ друга, какъ дикіе звѣри.

Жизненную мудрость Честерфильда называли „свѣтской философіей“, которая занималась лишь внѣшностью. „Изъ десяти человѣкъ, говоритъ знаменитый историкъ литературы, Геттнеръ, которые соглашались съ этимъ мнѣніемъ, развѣ одинъ знаетъ эти письма по собственному изученію. Совершенная истина, что эта книга заключаетъ въ себѣ чистое сокровище самыхъ тонкихъ наблюденій и правилъ жизни. Въ ней говоритъ намъ тонкій, опытный и пріятный умъ“.

Впрочемъ аристократическіе нравы есть продуктъ реальной жизненной философіи, которая наслѣдственно передается отъ одного поколѣнія къ другому и въ этомъ наслѣдованіи постоянно утончается. Такъ что философія эта выросла и образовалась изъ отношеній. Она не просвѣщаетъ міръ, она сама по себѣ. Буржуазія, конечно, внесла значительную культуру, но она не создала никакихъ особенныхъ формъ общежитія и склонна къ подражанію аристократіи. Это извѣстно, что современное общество развилось въ нѣдрахъ буржуазіи, а аристократія въ политическомъ и соціальномъ отношеніяхъ была оттѣснена ею на задній планъ. Но здѣсь, какъ и вездѣ, побѣдитель усвоилъ нравы побѣжденныхъ. И чѣмъ больше успѣхи, которые мы дѣлаемъ

въ общественномъ уравненіи, тѣмъ аристократичнѣе становятся наши нравы. Чѣмъ ближе сталкиваются люди, тѣмъ болѣе должны они заботиться, чтобы не удариться головой.

Теперь наступаетъ время, когда, такъ называемая, „условная ложь культурнаго человѣчества входитъ въ плоть и кровь. Но она вовсе не вредна, это социальная добродѣтель, безъ которой высокоцивилизованное общество существовать не можетъ“. Однажды принявшись изучать эту тему и думая объ изслѣдованіи ея, я открылъ письма Честерфильда. Глубина его знанія людей сильно увлекла меня. Я все болѣе и болѣе интересовался его книгой, пока окончательно сталъ выписывать изъ нея лучшія мѣста. Однажды я нашелъ, что исчерпалъ всѣ собранные въ этихъ письмахъ правила и совѣты. Тогда мало-по-малу я собралъ вмѣстѣ эти разбросанныя мысли, какъ частицы мозаики, и соединилъ ихъ въ одно цѣлое. Хотя я, можетъ быть, и не совѣмъ точно передалъ кое-что, но нигдѣ не поступился противъ духа подлинника. Хотя кое-гдѣ я и позволялъ себѣ придать болѣе современности выраженіямъ и примѣрамъ, а что мнѣ показалось устарѣлымъ вовсе опустилъ, но впрочемъ очень мало. Вообще въ письмахъ Честерфильда скрываются истины, которыя всегда и повсюду будутъ цѣниться, потому что свѣтъ, изъ котораго онѣ взяты, почти таковъ и теперь и, въ сущности, во времена Честерфильда былъ не лучше и не хуже.

Насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ еще изъ писемъ его, которыя считаются сотнями и заключаютъ разнообразнѣйшія вещи, никто не извлекъ достойнаго вниманія и не занялся самъ его обработкой. Я сдѣлалъ это и очень буду радъ, если тѣмъ поспособствую дальнѣйшему распространенію жизненной мудрости и знанія свѣта лорда Честерфильда. Считаю излишнимъ прибавлять что-либо въ похвалу ихъ. Люди знающіе будутъ имъ сочувствовать, а умные поступать по ихъ указаніямъ.

* *Д-ръ Карлъ Мюндингъ.*

КНИГА ПЕРВАЯ.
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ
ЧЕЛОВѢКА.
